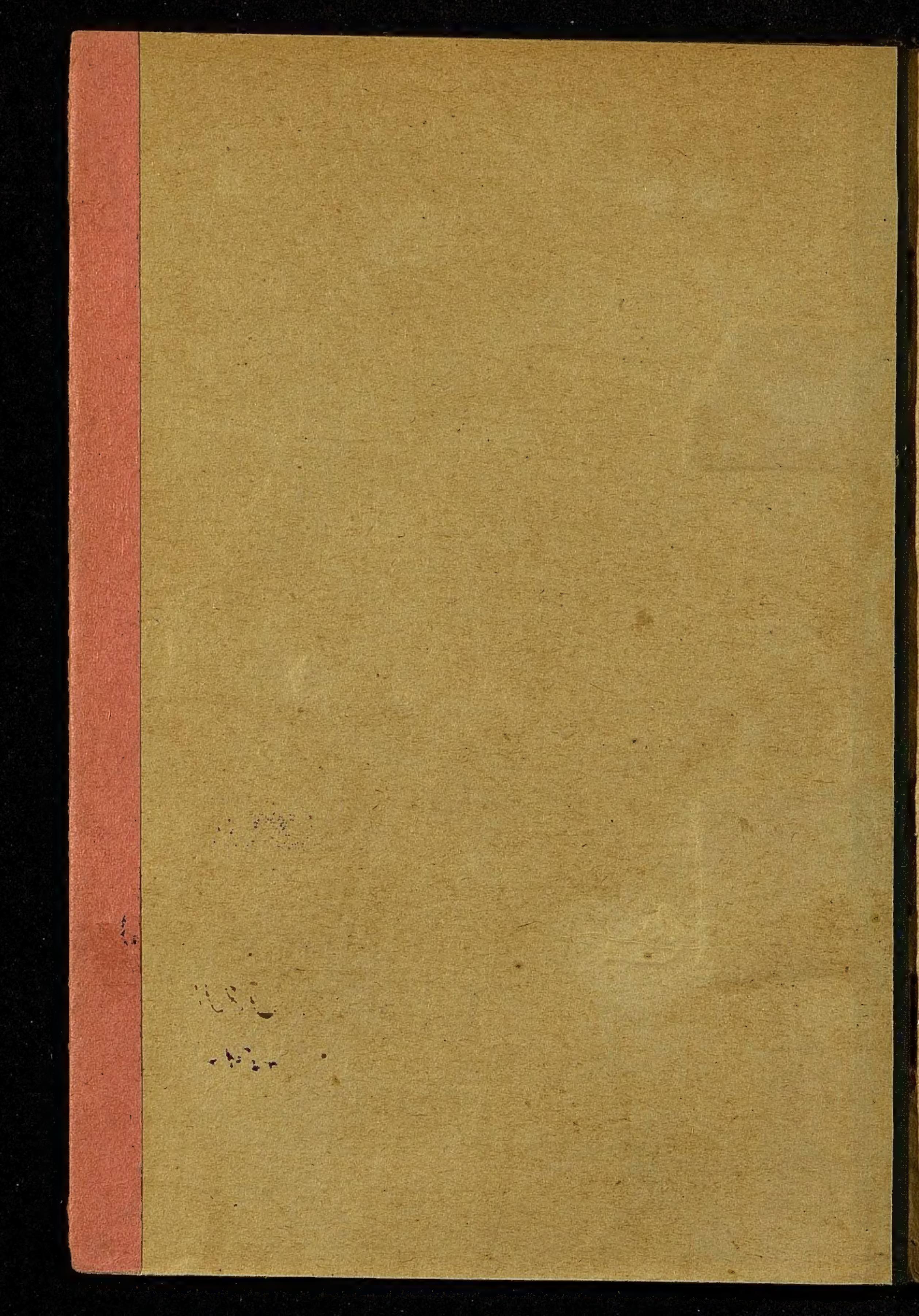
РАБОТЫ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ САМЕТСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ ДРУЖИНЫ

ЗАПИСКИ ДРУЖИННИЦЪ.

Предисловіе В. Н. Фигнеръ.

ЦѢНА 30 К.

ПЕТРОГРАДЪ.
...раф. И. БОРАГАНСКАГО, В. О., Средній пр., 1—10.
1917.

РАБОТЫ и ВПЕЧАТЛѢНІЯ

САМЕТСКОЙ

СЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ ДРУЖИНЫ

ЗАПИСКИ ДРУЖИННИЦЪ.

Предисловіе В. Н. Фигнеръ.

ЦѢНА 30 К.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія И. Бораганскаго, В. О., Средній пр., 1—10.
1917.

Случается, что человѣкъ чѣмъ-нибуть разстроенный или занятый какой-нибудь одной мыслью, неохотно резвернетъ книгу или беретъ въ руки статью, напередъ думая, что изъ чтенія не выйдетъ никакого толку. Книга не захватитъ его, статья не увлечетъ мысль въ другое русло. И, вотъ, начинаешь читать, и лицо проясняется, прежнее недовѣріе исчезаетъ.

Такъ случилось со мною, когда я принялась за рукопись, которую принесли мнѣ дѣвушки—члены трудовой дружины, работавшей въ Костромской губерніи прошлымъ лѣтомъ.

Невольно улыбаешься, слѣдя за этой попыткой молодежи приблизиться къ народу, раздѣлить его трудовую жизнь. Помочь своимъ трудомъ одинокимъ женщинамъ, мужья которыхъ въ арміи—можно-ли не симпатизировать этой цѣли: Внести чуточку просвѣщенія въ населеніе, которое такъ нуждается въ этомъ—развѣ это не та цѣлъ, на которую русская молодежъ всегда откликалась въ трудныя времена послѣдняго полустолѣтія. Сколько за это время было голодныхъ годовъ, и кому не памятенъ 91-й и 92-й годъ, когда страшные неурожаи и послѣдовавшіе за ними голодъ связанные съ ними эпидеміи увеличили въ Россіи смертность на 1,000,000 жертвъ. Въ то время не было равнодушныхъ среди учащейся молодежи и произошло массовое движеніе ея въ деревнѣ на помощь голодающимъ.

Теперь, когда разразилась война—тысячи молодыхъ дѣвушекъ поступили въ сестры милосердія и во всевозможныя учрежденія, обслуживаю-

щія теперь. А другія, вмѣстѣ съ мужской молодежью, въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ деревнѣ, спѣшатъ отдать свои неопытныя руки на помощь нуждающимся.

Читая рукопись, переданную мнѣ, я невольно обращалась къ прошлому. Само собою возникало сравненіе теперешняго движенія въ деревню, въ народъ съ тѣмъ, что происходило въ первую половину 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Тогдашнее хожденіе въ народъ кончилось тѣмъ, что многія сотни были заключены въ тюрьму, до двухъ тысячъ человѣкъ были привлечены къ слѣдствію и черезъ три года послѣдовалъ цѣлый рядъ политическихъ процессовъ, кончившимся осужденіемъ на каторгу, на поселеніе и житіе въ Сибирь.

Для того чтобы пойти тогда въ народъ, переодѣвались въ крестьянское платье, брали фиктивные паспорта, чтобы скрыть дворянское происхожденіе, поступали на фабрики, въ плотничьи артели, открывали сапожныя и столярныя мастерскія въ деревняхъ или брали котомку, чтобы, переходя изъ деревни въ деревню, будить сознаніе народа.

И тотчасъ же, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, иногда чересъ недѣлю полиція и жандармы накладывали свою руку на необычайныхъ пришельцевъ съ тѣмъ, чтобы не выпустить ихъ въ жизнь раньше 15—20 лѣтъ перебыванія на каторжныхъ рудникахъ или въ захолустьяхъ Сибири. Ничего подобнаго не знаетъ теперешнее поколѣніе; дорога для него расчищена.

Кѣмъ? Конечно тѣми, что, не смотря ни на какія преслѣдованія, въ литературѣ и въ жизни, мыслью и дѣйствіемъ, шли впереди и пробивали брешь въ томъ политическомъ строѣ, который

душилъ всѣ порывы, гналъ всякую инціативу и требовалъ лишь покорности и безмолвія могилы.

Много силъ было растрачено, чтобы давно устарѣлый режимъ палъ, и несправедливо было бы сказать, что прошлыя поколѣнія не все сдѣлали со своей стороны, чтобы завоевать свободу. Теперь свобода есть; свобода завоевана и путь дальнѣйшаго строительства жизни есть путь уже новаго молодого поколѣнія. Что оно сдѣлаетъ. Что дастъ народу, передъ которымъ открываются теперь широчайшія перспективы.

Я думаю, что дѣло разрушенія легче дѣла созданія: къ этой трудной задачѣ созиданія и призвано исторіей то поколѣніе, которое имѣетъ выступить на поле общественной дѣятельности.

Пожелаемъ же, чтобъ, идя впередъ оно сохранило лучшіе завѣты прошлаго, завѣты прежнихъ носителей идей, свободы, равенства и братства— завѣты тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые со временъ Новикова и Рабинова—отдавали силы и жизнь за лучшее будущее русскаго народа.

Пожелаемъ, чтобы не остались втунѣ слова, написанныя въ Шлиссельбургской крѣпости:

„Идеальное стремленіе
„Съ нами не умретъ:
„Молодое поколѣніе
„Съ насъ примѣръ возьметъ.

Вѣра Фигнеръ.

Нѣсколько словъ отъ составителей.

После великихъ событій, которыя только-что пережила Россія, многимъ вѣроятно, нашъ очеркъ покажется сухимъ и блѣднымъ. Онъ былъ написанъ еще въ 1916 г., когда можно было высказать далеко не все, что хотѣлось. Не имѣя возможности передѣлать его, мы считаемъ необходимымъ предпослать ему эти нѣсколько строкъ и обратить вниманіе читателя на то, что намъ кажется самымъ важнымъ въ нашемъ очеркѣ

Работая въ трудовой дружинѣ, мы всѣ ясно поняли, что заслужить довѣріе крестьянъ можно только раздѣливъ съ ними тяжелый крестьянскій трудъ: не заслуживъ-же довѣрія крестьянина— нельзя надѣяться добиться чисто товарищескихъ отношеній съ нимъ и стать дѣйствительно полезными ему.

Работа сельскихъ дружинъ есть путь, еще неизвѣданный, но вѣрный, къ сближенію интеллигенціи съ народомъ.

Вотъ почему важна работа дружинъ, вотъ почему мы призываемъ къ ней! И особенно важна она теперь, когда передъ крестьянствомъ стало столько новыхъ вопросовъ, когда оно теряется въ массѣ новыхъ, неясныхъ понятій, когда Россія стоитъ наканунѣ новой жизни, которую ей предстоитъ сознательно строить.

Надо организовывать изъ серьезныхъ, преданныхъ дѣлу работниковъ—трудовыя дружины, войти въ сношеніе съ провинціальными общественными организаціями и возможно скорѣе ѣхать въ деревню, чтобы, работая на крестьянской нивѣ, внести сознательность въ отношеніе крестьянъ къ переживаемымъ событіямъ.

ГЛАВА I.

СОСТАВЪ ДРУЖИНЫ ЕЯ ОТЪѢЗДЪ и ВСТРѢЧА.

Хорошо, когда молодъ, когда много силъ и чувствуешъ необходимость ихъ примѣнить, когда ищешь работы, находишь и вѣришь въ ея пользу, когда никакой скептицизмъ, никакія насмѣшки и даже логическіе доводы не могутъ поколебать и охладить къ ней. Можетъ быть только благодаря этому мы и осуществили свою давно задуманную мечту поѣхать въ дружину.

Дѣйствительно, наша дружина была когда то мечтой, а потомъ постепенно стала превращаться въ реальную дѣйствительность, а когда осуществленіе стало близко, слишкомъ большая радость охватила насъ, чтобы серьезно прислушиваться къ мнѣніямъ окужающихъ. А кругомъ всѣ знакомые, не говоря уже о родныхъ, старательно доказывали намъ, что никакой существенной пользы принести мы не сможемъ, не сможемъ уже потому, что физически безсильны и вообще не подготовлены ни къ физическому труду, ни къ общественной работѣ. Въ лучшемъ случаѣ прибавляли, что ѣхать все-таки стоитъ, т. к. много шансовъ, что себѣ

лично принесемъ большую пользу, во всякомъ случаѣ пріобрѣтемъ самостоятельность и узнаемъ немного жизнь. И вотъ это, за рѣдкимъ исключеніемъ, было самымъ утѣшительнымъ, что пришлось намъ слышать за эту весну. Нѣкоторые даже считали, что это предпріятіе просто вредно для обѣихъ сторонъ, и что его не мѣшало бы пресѣчь во время.

Другіе говорили, что было бы гораздо цѣлесообразнѣе тѣ деньги, которыя необходимы для поѣздки, просто пожертвовать крестьянамъ, если мы дѣйствительно хотимъ принести имъ пользу. Были и такіе, которые насъ жалѣли, считая, что мы съ этой затѣей неминуемо погубимъ свое здоровье.

Помню, какъ передъ отъѣздомъ, я старательно избѣгала родныхъ и знакомыхъ, чтобы не слышать доводящей до бѣшенства фразы: „что, вы тоже ѣдете пахать?“ Сперва мы горячо доказывали цѣлесообразность нашей поѣздки, потомъ, видя, что это напрасно, замолчали, старательно избѣгая разговоровъ на эту тему. Вотъ, въ краткихъ словахъ то настроеніе, которое встрѣтила наша идея, зародившаяся съ Рождества 1915 года.

Но я еще ничего не сказала о томъ, кто именно были „мы“. На это не трудно отвѣтить, не вдаваясь, конечно, въ характеристику отдѣльныхъ личностей. Изъ девяти, поѣхавшихъ въ дружину, семь изъ насъ были гимназистки, окончившія въ этомъ году семь классовъ одной изъ частныхъ Петроградскихъ гимназій. Всѣ мы только что пробудились къ сознательной жизни, начали прислушиваться къ ея водовороту, и теперь предла-

гали ей свѣжія, молодыя силы. Собственно образовался нашъ кружокъ еще въ предыдущемъ классѣ, но опредѣлился окончательно въ 1916 году, когда мы приступили къ систематическому изученію исторіи общественныхъ движеній въ Россіи.

Идея о дружинѣ зародилась сначала у одной, двухъ, но быстро передалась всѣмъ захватила, быть можетъ нѣкоторыхъ, но всѣхъ увлекла. Еще задолго до отъѣзда, ранней весной, не зная еще, какимъ путемъ удастся осуществить нашу мечту, мы записались въ формирующіяся дружины общества „Народная Помощь".

Этимъ обществомъ въ Соляномъ Городкѣ организовались лекціи о дружинахъ и полевыхъ работахъ. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, мы сейчасъ же рѣшили ихъ посѣщать. Мы возложили на ихъ много надеждъ, думая, что онѣ намъ дадутъ серьезныя свѣдѣнія, на самомъ же дѣлѣ дали онѣ намъ очень мало.

Въ особенности испугала насъ нѣсколько небрежное отношеніе къ женскому труду въ дружинахъ, да и составъ слушателей показался намъ не очень серьезнымъ. Хотѣлось совсѣмъ другого. Думали организовать смѣшанную дружину на чисто товарищескихъ началахъ съ раздѣленіемъ труда (что, къ сожалѣнію, не удалось) Тогда мы стали искать, узнавать, нельзя ли поѣхать какъ-нибудь частнымъ образомъ. Къ этому времени (это было уже въ серединѣ мая) мы получили черезъ знакомыхъ довольно конкретное предложеніе отъ Центральнаго Костромского Сельско-Хозяйственнаго Общества. Намъ предлагали ѣхать въ Костромскую губ. въ качествѣ рабочей дружины. При-

влекло насъ туда то, что намъ предоставлялась не только чисто физическая работа, но и нѣкоторая культурно-просвѣтительная, хотя точно она еще не опредѣлилась. Мы сразу ухватились за это предложенiе. Ѣхать въ такую дружину, да еще увидѣть Волгу казалось просто счастьемъ. Къ намъ присоединились еще двѣ курсистки и теперь мы, уже въ составѣ девяти человѣкъ, окончательно рѣшили двинуться въ путь. Когда отъѣздъ сталъ дѣломъ рѣшеннымъ, явилась необходимость собраться всѣмъ членамъ, чтобы обстоятельно переговорить и конкрентно обсудить условiя, въ которыхъ намъ придется жить. На второе собранiе пожелали притти и родители, чтобы ближе познакомиться съ этимъ невѣдомымъ чудовищемъ, трудовой дружиной. Очень неодобрительно съ ихъ стороны было встрѣчено предложенiе обходиться безъ прислуги и наши протесты противъ лишняго комфорта. Между прочимъ, вопросъ о кухаркѣ вызывалъ оживленные споры между нами самими и раньше. Сперва большинство стояло за то, что кухарка должна быть, мотивируя это тѣмъ, что для физической работы нужно хорошее питанiе, а при нашихъ кулинарныхъ способностяхъ оно врядъ ли будетъ возможно. Но въ концѣ коцновъ мы отказались и отъ этой посторонней помощи.

Теперь немогу не описать картины нашего отъѣзда, дѣйствительно яркой картины, которую я врядъ ли когда нибудь забуду. Ѣхало насъ всего девять человѣкъ. Прiѣхали на вокзалъ почти за два часа до отхода поѣзда. Прiѣзжали постепенно, проходили на платформу и тамъ кладывали въ общую

у свои вещи, которыя составили довольно таки изрядную кучу, рядомъ съ которой столпились уѣзжающіе и провожающіе. Послѣ часового ожиданія и волненія кто-то судорожно крикнулъ: „Поѣздъ подаютъ“ Публика перестала быть публикой и превратилась въ дикаго звѣря. Ругань, толчки, крики и растерянныя физіономіи... И на этомъ фонѣ девять дружинницъ со своимъ, изрядно тяжелымъ багожомъ, мечущіяся около вагсна, двери котораго по неизвѣстной причинѣ заперты. Кондукторъ съ остервенѣніемъ требуетъ какіе то пропуски, толпа дико реветъ, сшибаетъ съ ногъ кондуктора и ломится въ запертыя двери А тутъ сзади, сбоку мелькаютъ лица блѣднѣющихъ родителей. Ну, наконецъ, мы въ вагонѣ. Я сижу на чемъ то очень высокомъ у окна, улыбаюсь во весь ротъ и увѣряю, что совсѣмъ не жарко (между тѣмъ температура минимумъ 25 градусовъ).

Наши сидятъ тутъ же; кто посчастливѣе на скамейкѣ, а кто и просто на чемоданѣ или столѣ. Но эти мѣста ожесточенно оспариваетъ какой-то солдатъ. Плацкартъ, конечно, никакихъ не оказалось. Поѣздъ мучительно долго стоитъ. Провожающіе дѣлаются все унылѣе и унылѣе, а мы стараемся увѣрить ихъ, что намъ прекрасно, удобно и даже прохладно. Но они что-то плохо вѣрятъ и предлагаютъ пересѣсть во второй классъ или въ какой то свободный плацкартный вагонъ третьяго класса. Конфекты, пирожныя, цвѣты сыплются въ вагонъ, мы не знаемъ куда ихъ дѣвать. Они валятся то на полъ, то на скамейку, мы садимся на нихъ. А въ душѣ тоскливо ноетъ: скорѣе бы поѣздъ пошелъ. Ну вотъ, третій звонокъ,

послѣдніе поцѣлуи, всѣ столпились у оконъ отчего дѣлается еще тѣснѣе, а подъ ногами хрустятъ разные коробки, кульки, Третій звонокъ. Уговоры быть осторожными, просьбы писать, однимъ словомъ все, что полагается въ такихъ случаяхъ...

Отъѣхали! Слава Богу! Всѣ вздохнули свободно и легко, стало сразу весело и шумно, стали распихивать вещи куда попало, усаживаться поудобнѣе.

Поѣздъ мчится. Забытъ Петроградъ съ его неурядицами, вѣрится во что то хорошее: а главное чувствуешь, что сегодня стали людьми, самостоятельными свободными людьми, что теперь никто насъ не вернетъ и что самое трудное прошло.

Пріѣхали мы въ Рыбинскъ около шести часовъ утра. Перекочевали на пароходъ (ѣхали мы поаристократически во второмъ классѣ). Времени до отхода парохода было еще много и мы успѣли обѣгать Рыбинскъ, покататься на лодкѣ. Наконецъ, пароходъ двинулся. Основательно подкрѣпившись, усѣлись на палубѣ и зянялись каждая своимъ. Кто читалъ, кто писалъ письма, кто просто наслаждался созерцаніемъ матушки-Волги. Вечеромъ собрались на носу и пѣли волжскія пѣсни. Ночь спали мало. А къ утру заболѣла внезапно и сильно одна изъ дружинницъ (случайное отравленіе). Къ счастью, къ пріѣзду въ Кострому ей стало легче. Пріѣхали мы въ 6 часовъ утра, оставили нѣкоторыхъ дружинницъ съ вещами на пристани и пошли въ Уѣздн. Земск. Управу и Центр. Сельск.-Хоз. Общество разузнать, когда и куда мы должны будемъ отправиться для работы.

День стоялъ жаркій, ясный. И Кострома произвела на насъ хорошее, яркое впечатлѣніе; бѣлый городъ, много зелени и среди нея золотые, серебряные и зеленые купола. А почти въ центрѣ города-легкая, изящная колокольня Успенскаго собора. Жадно вглядывались мы въ очертанія незнакомаго города. И теперь, какъ во снѣ, встаетъ предо мной тихій городъ, весь залитый утреннимъ радостнымъ солнцемъ. А по главной улицѣ усталыя и полныя до краевъ надеждами и нетерпѣливыми ожиданіями, шагаютъ дружинницы. Подзакусивъ немного въ булочной, мы раздѣлились; одна дружинница оправилась въ Земство и въ Ц. С.-Х. об-во, остальныя ждали ее на бульварѣ. Мы не знали, гдѣ остановимся, какъ придется устроиться, и это невѣдѣніе угнетало насъ. Надоѣло это трепаніе въ дорогѣ, хотѣлось уже опредѣленности и отдыха. Тѣмъ болѣе намъ было пріятно, когда мы узнали, что Ц. С.-Х. Общ. предлагаетъ намъ устроиться въ секретаріатѣ общества и ночевать тамъ, пока все не уладится. И вообще здѣсь насъ встрѣтили такъ хорошо, тепло и внимательно и, во все время пребыванія въ секретаріатѣ мы видѣли такое товарищеское серьезное отношеніе къ намъ, что мы почувствовали себя среди совершенно чужихъ намъ людей, какъ среди хорошихъ друзей. Мы остались имъ глубоко благодарны, ибо это отношеніе значительно облегчало все наше пребываніе вь Костромѣ. Шесть дней пробыли мы здѣсь, пока выяснилось, гдѣ мы будемъ жить постоянно и работать, Мы много гуляли, осматривали городъ и Ипатьевскій монастырь. Намъ повезло: погода стояла чудесная и мы старались во всю использовать время. Но, въ концѣ концовъ,

надоѣла намъ это безпорядочная, бродяжническая жизнь внѣ времени и пространства. Мы устали отъ нея и отъ всей массы впечатлѣній; хотѣлось уже начать настоящую долгожданную работу. Съ радостью узнали мы, когда и куда поѣдемъ. Работать намъ предстояло въ большомъ селѣ Самети подъ Костромой, лежащемъ очень близко отъ Волги; послѣднее обстоятельство еще больше подняло нашъ духъ: мы объ этомъ и мечтать не смѣли. Передъ отъѣздомъ мы говорили съ инструкторомъ по внѣшкольному образованію, который рекомендовалъ намъ для чтеній Горькаго, Гусева-Оренбургскаго и др. писателей и совѣтовалъ организовать спектакль. Послѣ дѣлового расговора на эту тему мы сами читали Горькаго и Некрасова, пили чай и просто, хорошо бесѣдовали. Какая то совсѣмъ новая, непривычная для холоднаго Питера, атмосфера охватила насъ. Было какъ-то хорошо среди новыхъ людей, новой обстановки.

Перваго іюня двинулась въ путь первая партія для приведенія въ порядокъ нашего будущаго жилья—земской школы. Утромъ 2-го іюня вторая партія дружинницъ отправилась въ деревню. Встрѣтили насъ въ Самети съ огромнымъ любопытствомъ. Уже подходя къ деревнѣ, мы нѣсколько разъ останавливались, удовлетворяя любопытство работавшихъ на огородахъ бабъ. Въ селѣ же насъ окружила тѣсная толпа ихъ и ребяшекъ и проводила до самой школы. Тамъ ребятъ еще прибавилось, они заглядывали въ щели, лѣпились у оконъ и выпроводить ихъ не было никакой возможности. Такъ продолжалось до вечера и съ ранняго утра началось то-же.

Мы рѣшили сами вымыть и убрать школу и на слѣдующій день принялись за эту работу. Крестьянамъ, видимо, это очень понравилось, они стали давать намъ разные совѣты даже предлагали свою помощь. А босоногая компанія ребятишекъ все продолжала таращить глаза, отпуская иногда очень мѣткія замѣчанія на нашъ счетъ. Впослѣдствіи эта компанія уменьшилась, измѣнилась въ составѣ (стали преобладать мальчики) но наше крыльцо такъ и осталось въ ихъ ненарушимомъ владѣніи до послѣдняго дня.

ГЛАВА II.

РАБОТА НА ОГОРОДѢ И НА ПОЖНѢ.

Думая о работѣ нашей дружины въ деревнѣ, мы никакъ не предполагали, что будемъ имѣть дѣло съ огородами. Въ воображеніи вставали безконечныя поля и многія изъ насъ побаивались, что окажутся не въ силахъ помочь крестьянамъ при обработкѣ и уборкѣ ихъ. Но все оказалось не такъ, какъ мы ожидали. Намъ не пришлось столкнуться съ настоящимъ хлѣбопашескимъ трудомъ, который такъ сильно насъ привлекалъ, ибо мы попали въ село съ исключительно огородной культурой.

Село Саметь, расположенное въ 2-хъ верстахъ отъ Волги, находится на лѣвомъ низкомъ берегу ея, такъ что ежегодно въ весеннее половодье всѣ прилежащіе къ рѣкѣ участки земли оказываются залитыми.

Разливъ препятствуетъ разведенію хлѣбныхъ злаковъ, почему крестьяне и вынуждены засѣвать свои поля овощами. Большіе пространства заняты картофелемъ, капустой, свеклой и морковью. Всѣ эти овощи заготовляются въ прокъ на общественной сушилкѣ, что по словамъ самихъ кооператоровъ приноситъ ежегодно большой доходъ. Вообще Саметь со всѣми своими окрестно-

стями (въ ней 4 коопр. завода и 3 школы) не представляетъ ничего типичнаго. Село это очень культурное, очень богатое и состоитъ почти сплошь изъ прекрасныхъ 2-хъ этажныхъ избъ. Въ будущемъ, когда сообщеніе между Костромой и окружащими ее селами будетъ облегчено проведеніемъ хорошихъ дорогъ, по всей вѣроятности весь этотъ край изъ полу-земледѣльческаго быстро превратится въ промышленный.

Не знаю жалѣть ли намъ или радоваться тому, что мы попали въ такую культурную мѣстность, и именно на обработку огородовъ, а не полей.

Культурность содѣйствовала тому, что крестьяне такъ хорошо приняли насъ: работа на огородахъ, несомнѣнно, легче работы въ полѣ и требуетъ меньше умѣнія. Такъ что можно, мнѣ кажется, считать, что случай, который забросилъ насъ въ Саметь скорѣе благопріятствовалъ намъ. Мы начали работу на огородахъ на второй день послѣ нашего пріѣзда въ деревню. Списокъ солдатокъ, у которыхъ мы должны были работать, врученъ былъ намъ въ Костромѣ однимъ изъ членовъ мѣстнаго кооп-ва. Этимъ спискомъ мы и руководились въ первое время нашей работы, и лишь впслѣдствіи, ближе познакомившись съ крестьянскими семьями, измѣнили его по собственному усмотрѣнію. Неувѣренныя въ своихъ силахъ, для перваго раза мы раздѣлились на двѣ партіи и направились къ двумъ бабамъ по четыре человѣка въ каждой. Работницы пришли слишкомъ рано, хозяйка наша только-что принялась пить чай. Мы стали ее торопить, просили поскорѣе отвести насъ на мѣсто работы.

Нашему рвенію немного удивились: старый дѣдъ далъ намъ въ руки потесы и повелъ въ поле. Только теперь мы почувствовали, что вся наша поѣздка дѣйствительно не сонъ. Дѣдъ показалъ намъ, какъ нужно огребать картофель. Боясь оплошать, мы съ напряженіемъ слѣдили за всѣми его движеніями и, въ свою очередь, принялись за работу. При появленіи хозяйки мы удваивали силы, желая показаться во всемъ блескѣ, и не безъ результатовъ. Насъ удостоили комплимента, назвавъ переимчивыми обезьянами. Никогда похвала намъ не доставляла такого большого удовольствія. Проработавъ весь день, къ вечеру мы почувствовали большую усталость: ноги начали подкашиваться, лопнувшіе пузыри на рукахъ больно жгли: хотѣлось выпрямиться и лечь на землю. Только благодаря напряженію воли намъ все-таки удалось довести работу до конца. Такъ счастливо прошло наше первое испытаніе. Съ каждымъ разомъ мы чувствовали себя болѣе ловкими и сильными, и черезъ двѣ недѣли отважились работать въ одиночку, хотя чаще ходили по двое. Къ концу мѣсяца у насъ были записаны 24 бабы, такъ что всѣхъ ихъ мы обходили въ шесть дней.

Наша работа на огородахъ постоянно мѣнялась: то мы огребали, то пололи, то садили капусту, картошку и огурцы. Въ общемъ, надо сказать, эта работа, хоть и огородная, не такая ужъ легкая, какъ это обыкновенно думаютъ: вѣдь маленькіе огороды и большія поля—двѣ вещи разныя. И тѣмъ болѣе пріятно, конечно, что дѣвушки о слабости которыхъ такъ много говорятъ, сумѣли выполнить ее. Изъ всѣхъ самой пріятной, хотя

и самой трудной работой оказалась огребка, а наименѣе удовлетворяющей, тупой и грязной-полотьба.

Работали мы во всякую погоду, только сильные ливни заставляли насъ иногда покидать грядки; къ нашему большому сожалѣнію. На малый дождь на холодъ, мы не обращали вниманія, стараясь, по мѣрѣ возможности, не отставать отъ крестьянъ, что было не всегда легко, такъ какъ наша одежда оказалась не совсѣмъ для этого приспособленной. Многія для работы одѣвали старые, засаленные, крестьянскіе полушубки и кофты, которые выпрашивали у хозяевъ. Со стороны посмотрѣть на насъ было-бы навѣрно очень смѣшно, въ особенности въ холодные дни, когда мы напяливали на себя все, что только могли. По внѣшности мы представляли смѣшеніе деревенскаго съ городскимъ. Часто, ползая на грядкахъ, намъ приходилось работать въ пальто и галошахъ. Которые постоянно вязли въ грязи. Лучшимъ костюмомъ для полевыхъ работъ, конечно были-бы короткія, теплыя куртки и высокіе русскіе сапоги, но у насъ не было ни того ни другого. Итакъ, работа на огородахъ имѣла свое большое преимущество: она оказалась вполнѣ посильной намъ, городскимъ жительницамъ, и, кромѣ того, позволила почти не обращать вниманія на погоду. Но были, конечно, въ нашей огородной работѣ и отрицательныя стороны.

Можно сказать, что мы работали на огородахъ исключительно потому, что знали, что мы работаемъ для крестьянъ, что мы должны имъ помогать. Безконечныя сѣрыя грядки мало имѣли

привлекательнаго, въ особенности въ дождливые сѣрые дни, а дожди, къ сожалѣнію, въ этомъ году преобладали. Не было эстетическаго удовлетворенія и не всегда достаточно физическаго. Копаніе въ мокрой землѣ, продолжавшееся изо-дня въ день, отъ семи часовъ утра до семи часовъ вечера заставляло насъ чувствовать себя чѣмъ-то вродѣ поденщицъ, грязь и сѣрое небо тяготили, хотѣлось шири и приволья. Итакъ, работа огородная, сама по себѣ, намъ не очень пришлась по вкусу. Кромѣ однообразія, удручала насъ и малая производительность труда. Даже намъ, мало знакомымъ съ сельскимъ хозяйствомъ, становилось ясно, что все дѣлается не такъ, какъ надо. Тратится масса времени на сравнительно пустое дѣло. Но не въ нашихъ, конечно, силахъ было, самимъ ничего не знающимъ, учить крестьянъ. Мы исполняли безпрекословно всѣ работы, хоть и не безъ горечи въ душѣ. Сильно заинтересованныя вообще сельскимъ хозяйствомъ, мы принуждены были отложить выясненіе даннаго вопроса до возвращенія въ городъ.

На нашихъ дружинныхъ собраніяхъ неоднократно поднимался вопросъ объ учетѣ сдѣльной нами работы, но практически это оказалось не выполнимымъ, такъ какъ приходилось работать на грядкахъ различной величины, то съ помощью хозяевъ, то однимъ.

Работу на огородахъ мы закончили позже, чѣмъ ожидали. По случаю дождливой погоды работа оказалась очень тяжелой: полоть пришлось чаще, дожди, заполняя грядки водой, часто заставляли откладывать работу. Въ итогѣ получи-

лось то, что село наше опоздало съ сѣнокосомъ на цѣлую недѣлю.

6-го іюля мы окончили работу ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ прибыла давно ожидаемая чудотворная икона, наша хозяйка бросила работу и отпустила насъ домой. Возвращаясь грязныя и пыльныя, мы въ смущеніи встрѣтили у нашего дома передъ церковью уже успѣвшую принарядиться крестьянскую пеструю толпу. Площадь передъ церковью была запружена народомъ: подъ оглушительный звонъ колоколовъ, появилась блестящая процессія съ горящими на солнцѣ хоругвями и иконой.

Праздники продолжались четыре дня. Откровенно говоря, этимъ нѣсколькимъ днямъ отдыха мы очень обрадовались. Всѣмъ очень хотѣлось передохнуть, уединиться, собраться съ мыслями. Мы совершали прогулки на Волгу, читали, писали письма.

Послѣ праздниковъ, мы работали на огородахъ еще нѣсколько дней, но народу на грядкахъ стало замѣтно меньше. Самые богатые въ деревнѣ начали уже сѣнокосъ. Всюду стали появляться косы и грабли. Каждый разъ при видѣ блестящаго лезвія косы радостно дѣлалось на душѣ отъ сознанія, что скоро и мы начнемъ работать на лугахъ. Наканунѣ сѣнокоса мы легли пораньше, припасая силы на трудное дѣло. На слѣдующій день выѣхали около 6 часовъ утра и вернулись лишь съ закатомъ, усталыя, но возбужденныя.

Первый день былъ очень удачный: лугъ попался сухой, день былъ жаркій. Какъ только солнце стало немного пригрѣвать, мы принялись

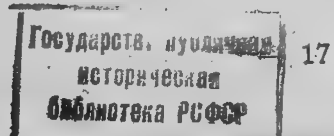
за дѣло. Въ пять минутъ освоились съ работой и до самаго вечера съ остервенѣніемъ ворочили сѣно. Сѣнокосъ оказался, какъ мы и ожидали, очень привлекательной работой. Въ особенности было хорошо работать у Волги. Тотъ берегъ удивительно живописенъ со своей бѣлой цѣрковью и холмами. Волга течетъ широко и плавно, а кругомъ насъ сѣно, сѣно, безъ конца сѣно! Съ наслажденіемъ вдыхаешь душистый запахъ. Солнце жжетъ, слѣпитъ. Проработавъ, садимся подъ тѣнь телѣги и жадно пьемъ чай. Хозяйка рѣжетъ большіе ломти бѣлаго хлѣба, но аппетитъ настолько великъ, что они кажутся маленькими. Во время отдыха шутки и смѣхъ: иногда еще ляжешь, растянувшись на травѣ, и смотришь на небо, любуешься на раздолье и ширь. Затѣмъ снова за дѣло до слѣдующаго отдыха, или ужъ до самаго вечера, часовъ до 8-ми. Но рѣдко бывала работа до самаго вечера, часто собирались тучи и приходилось раньше времени убирать сѣно въ копны. Съ тревогой слѣдишь, какъ разростается туча, лихорадочность работы захватываетъ всѣхъ. Поднимается вѣтеръ, сбиваетъ наскоро сдѣланныя копны, мѣшаетъ сгребать сѣно. И работаешь ожесточеннѣе и упорное. Доканчиваешь уже подъ дождемъ, а потомъ забираешься подъ стогъ и, переждавъ непогоду, отправляешься домой. И только уже наѣвшись и расянувшись на постели, чувствуешь, какъ ноетъ все тѣло и, въ особенности, руки. Къ сожалѣнію, наша работа на сѣнокосѣ продолжалась недолго. На пятый день сѣнокоса полилъ дождь, наступили сѣрые, туманные дни. Такъ намъ и не пришлось покосить; косы прибыли изъ Костромы слишкомъ поздно и такъ и пролежали

въ бездѣйствіи до самаго отъѣзда. Это было, конечно досадно, такъ какъ намъ хотѣлось доказать полностью, что дѣвушкамъ посильна всякая работа. Я думаю, намъ удалось бы это доказать, такъ какъ тремъ изъ насъ, уже бывшимъ въ деревнѣ, приходилось участвовать въ косьбѣ, и можно было надѣяться, что выучатся косить и другія.

Наконецъ, отчаявшіеся крестьяне рѣшили отслужить молебенъ по хорошей погодѣ. На площади передъ нашимъ домомъ собралась толпа, дождь продолжалъ лить и мокрыя хоругви печально висѣли; въ толпѣ какъ грибы торчали зонтики. Мы слѣдили изъ оконъ нашей школы за происходящимъ. Этотъ молебенъ произвелъ на нѣкоторыхъ изъ насъ очень тяжелое впечатлѣніе; въ душѣ поднялось чувство обиды за темнату народа, представляющаго себѣ Бога въ видѣ какого-то тирана, котораго можно умилостивить униженными мольбами.

Цѣлыми днями мы толпились дома, чувствуя большую потребность къ физической работѣ. Единственно что помогло скоротать время, это чтеніе, которое мы устраивали иногда не только для крестьянъ, но и для себя. Потерявъ всякую надежду на перемѣну погоды, изнывая отъ безработицы, мы рѣшили ускорить нашъ отъѣздъ на нѣсколько дней, и покинули деревню 26-го іюля.

Итакъ, мы пробыли въ деревнѣ 2 мѣсяца; почти полтора мѣсяца проработали на огородахъ, а послѣднія 3 недѣли, благодаря частымъ дождямъ, только урывками бывали на пожнѣ, остальное время посвящали чтенію. Многое-ли мы сдѣ-

лали въ смыслѣ физической помощи? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: намъ, какъ я уже напоминала выше, не удалось учесть работу. Но, если насъ спросятъ, цѣнили-ли нашу работу крестьяне хоть сколько-нибудь, мнѣ кажется, что съ нѣкоторою увѣренностью можно было бы отвѣтить: „да". Я говорю такъ осторожно потому, что не хотѣлось бы впасть въ преувеличеніе. Да, цѣнили, потому что слишкомъ велико было у крестьянокъ стремленіе отблагодарить насъ за трудъ. Нѣкоторыя изъ солдатокъ предлагали намъ жить у нихъ съ тѣмъ, чтобы и кормиться, другія совѣтовали брать деньги. Единственно отъ чего намъ не всегда удавалось отказываться, это отъ молока, которое намъ приносили каждый вечеръ наши хозяйки.

Тотъ фактъ что насъ цѣнили въ деревнѣ, какъ работницъ, является нѣкоторымъ доказательствомъ нашей работоспособности. А наше сильно окрѣпшее здоровье говоритъ о томъ, что мы справились съ работой сравнительно легко.

Пусть это учтутъ тѣ, кто считаетъ организацію женскихъ полевыхъ дружинъ невозможной.

Чтобы закончить о работѣ на пожнѣ, слѣдуетъ упомянуть еще о нашей попыткѣ работать машинами.

За нѣсколько недѣль до сѣнокоса, дружинный староста поднялъ вопросъ о косилкѣ и конныхъ грабляхъ. Машины были обѣщаны намъ земствомъ, ихъ было бъ не трудно достать, но послѣ разговоровъ съ крестьянами обнаружилось, что они не желаютъ ими пользоваться. Главная помѣха оказалась въ дѣленіи поженъ на узкія полоски, далеко разбросанныя одна отъ другой:

кромѣ того крестьяне ссылались на кочковатость почвы. Мы убѣдились, что послѣднее вѣрно, но далеко не для всего пространства. До Волги версты на 4-е раскинулись настоящіе заливные луга, встрѣчаются конечно болота и кочки, но много и прекрасной травы. Цѣлыя поля клевера и тимофѣевки. Очень жаль только, что крестьяне стравливаютъ ихъ ранней весной скотомъ.

Если бъ деревня пожелала скосить всю хорошую траву міромъ, пользуясь машиной, она бы выгадала, безъ сомнѣнія, много времени. Дружинный староста пробовалъ было предложить сельскому сходу выдѣлить хотя бы солдаткамъ у которыхъ мы работали, полосы полагающейся имъ хорошей травы въ одномъ мѣстѣ, чтобы возможно было скосить траву машиной, но крестьяне, болѣе или менѣе согласные съ предложеніемъ дружины въ частныхъ разговорахъ, на сходѣ отказались принять это предложеніе.

ГЛАВА III.

Внутренняя жизнь дружины.

Съ 1-го дня нашего пребыванія въ деревнѣ всѣ мы ясно почувствовали, насколько не приспособлены къ самостоятельной деревенской жизни. Подъ тяжестью коромысла мы ясно поняли, какія мы тепличныя растенія, и стыдно и больно было смотрѣть, какъ какая-нибуть 12-и лѣтняя дѣвочка бодро шла съ 2-мя полными ведрами; чувствовали это, и когда уныло сидѣли передъ большой русской печкой, безнадежно ворочая тяжелые черные чугуны и никакими силами, никакими стараніями не могли ее растопить. Отсутствовала у насъ и внутренная организація. Еще въ Костромѣ рѣшили мы распредѣлить работу устроить дежурство по хозяйству, но все это было какъ-то туманно, надѣялись другъ на друга и какъ то незамѣтно вся работа навалилась на нашего старшаго товарища-руководителя. Но, къ счастью, пріѣхавъ въ деревню, всѣ скоро поняли, что жить такъ дальше нельзя, что работать, при такихъ условіяхъ будетъ невозможно. Рѣшили собраться, обсудить всѣмъ вмѣстѣ свое положеніе, распредѣлить равномѣрно работу; установить обязанности каждаго.

Первымъ и самымъ насущнымъ былъ вопросъ о хозяйствѣ; въ этой области наша неприспособ-

ленность давала себя чувствовать у большинства; кулинарныя обязанности ограничивались умѣньемъ заварить чай, поставить же самоваръ казалось уже дѣломъ весьма затруднительнымъ, но, „голодъ не тетка“: надо было приспособляться. На первомъ собраніи дружины было постановлено, что каждая изъ насъ по очереди будетъ дежурной, такъ называемой „хозяйкой“.

Главной задачей хозяйки было приготовленіе съѣдобнаго обѣда. Хозяйка вставала на часъ или полчаса раньше другихъ дружинницъ, т. е. въ 5 ч. или 5 ч. 30 м., шла на кухню, гдѣ прибирала столъ, приносила воду, затѣмъ отправлялась за молокомъ и хлѣбомъ, если его не оставалось съ вечера; этимъ обыкновенно и ограничивался нашъ завтракъ. Иногда, впрочемъ, появлялся сыръ или какое-нибудь подношеніе благодарной бабы, у которой мы наканунѣ работали. Въ 6 часовъ вставали остальныя дружинницы и, напившись молока, уходили на работу. Приблизительно въ 6 ½ или 7 часовъ, хозяйка оставалась одна и начинала растапливать печь. Вначалѣ это отнимало много времени, потомъ, конечно, привыкли. Обѣдъ у насъ былъ часовъ въ 12, позволялось опаздывать, но не болѣе, какъ на полчаса и то въ случаѣ, если необходимо было закончить какую-нибудь работу. Почти все утро хозяйка тратила на приготовленіе обѣда, хотя онъ былъ весьма несложенъ и состоялъ изъ двухъ блюдъ; большей частью изъ каши и супа, но и съ этими неприхотливыми блюдами часто бывали несчастья: супъ необыкновенно сгущался и пріобрѣталъ видъ каши, а каша пригорала. Но, не смотря на это, этотъ обѣдъ обыкновенно поглащался съ удоволь-

ствіемъ и сравнительно рѣдко былъ совсѣмъ несъѣдобенъ. Впослѣдствіи каждая изъ насъ научилась дѣлать два-три блюда, которыя и повторяла въ свои дежурства. Мяса у насъ почти никогда не бывало, отчасти потому что его трудно было доставить, а пожалуй и просто потому, что возиться было съ нимъ просто труднѣе, а особенной потребности въ немъ не чувствовалось. Супъ дѣлали обыкновенно изъ сухихъ овощей.

Для приготовленія обѣда, хозяйкѣ часто приходилось ходить по деревнѣ покупать необходимые продукты, какъ хлѣбъ, масло, яйца и пр. Послѣ обѣда хозяйка была обязана вымыть посуду и поставить ее на мѣсто; на ней же лежала уборка нашей спальной. Къ сожалѣнію, должна добавить, что это послѣднее часто было предметомъ крупныхъ разговоровъ между хозяйкой и дружинницами.

Остальное время хозяйка была свободна, могла заниматься своими дѣлами, только вечеромъ нужно было принести молоко. Мыть посуду, которая пачкалась въ послѣобѣденное время, въ обязанности хозяйки не входило; каждая должна была убирать за собой. Вообще все, что я сейчасъ описала установилось, конечно, не сразу. На первомъ нашемъ общемъ собраніи была набросана только схема, а подробности и усовершенствованія выработались практикой и временемъ.

Въ первое время были часто недоразумѣнія, которыя постепенно и наводили на опредѣленіе и ограниченіе работы хозяйки. Эта работа почти для всѣхъ насъ, по крайней мѣрѣ для многихъ, была труднѣе, чѣмъ работа на пожнѣ. Въ особенности трудна она была по праздникамъ, когда осталь-

ныя гуляли, а несчастной хозяйкѣ нужно было копаться въ грязи. Поэтому на эти дежурства была установлена особая очередь, чтобы это удовольствіе доставалось всѣмъ поровну. Нелюбовь къ хозяйству, пожалуй, отчасти объясняется темной кухней, въ которой приходилось работать, миліардами мухъ и впечетлѣніемъ первыхъ дежурствъ, когда, не смотря на всѣ старанія хозяйки, всѣ мы оставались голодными.

Но и помимо хозяйства было еще много важныхъ вопросовъ. Надо было выбрать старосту, казначея, секретаря и опредѣлить ихъ работу. Къ этому мы и приступили. Старостой была выбрана наша руководительница. Въ ея обязанности входило общеніе съ крестьянами, земствомъ, кооперативной чайной. Бабы, требовавшія насъ на работу, должны были обращаться къ ней со своей просьбой; вѣрнѣе, мы безъ вѣдома старосты не могли обѣщать помощь, потому что это могло бы привести къ путаницѣ или, во всякомъ случаѣ, къ несправедливому распредѣленію нашихъ силъ. Желающихъ нашей помощи, въ особенности подъ конецъ, было очень много, а силы наши весьма ограничены.

Приходилось многимъ отказывать и помогать только самымъ бѣднымъ; опредѣлить же, кто больше нуждается въ рабочихъ рукахъ, было не такъ-то легко, съ перваго взгляда даже почти невозможно; часто приходилось наводить справки у сосѣдей. Староста же взялъ на себя обязанность казначея. Задача трудная при нашей поголовной неаккуратности. Всѣ деньги хранились у казначея; изъ общей суммы выдавалось на ежедневные хозяйственные расходы. Каждая хозяйка должна

была вести отчетность тѣмъ деньгамъ, которыя тратила. На стѣнѣ висѣлъ листъ, на который она должна была записывать всѣ расходы, помѣчая число и купленный продуктъ. Но надо отмѣтить, что это такъ часто забывалось или записывалось такъ небрежно, что въ концѣ, когда пришлось расплачиваться по счетамъ, открылось масса недоразумѣній, распутать которыя стоило много труда.

Третью должность, а именно должность секретаря, взяла на себя одна изъ дружинницъ, но секретарь выбирался только на 2 недѣли, между тѣмъ какъ должность старосты и казначея во все время пребыванія въ Самети исполняло одно лицо. Секретарь долженъ былъ вести дружинный дневникъ и, кромѣ того, устанавливать справедливую очередь бабъ, у которыхъ мы работали, и слѣдить за соблюденіемъ этой очереди. Каждый вечеръ секретарь долженъ былъ обходить тѣ семейства, у которыхъ дружинницы собирались работать на слѣдующій день, чтобы тѣ знали о нашемъ приходѣ и приготовили все, что надо для работы. Кромѣ этихъ вопросовъ, рѣшенныхъ довольно опредѣленно, возникало еще много другихъ, болѣе мелкихъ, какъ вопросъ о банѣ, стиркѣ бѣлья и т. п. Эти вопросы обыкновенно рѣшались всѣми сообща; иногда же каждая изъ насъ поступала по своему усмотрѣнію. Было поставлено непремѣннымъ условіемъ мыться въ банѣ тѣхъ семействъ, гдѣ завѣдомо не было заразныхъ больныхъ.

Житейской опытностью дружинцы, какъ видно, похвастаться не могли. Но это не помѣшало имъ безъ всякихъ руководителей и прислугъ 2 мѣся-

ца среди чужихъ людей въ незнакомой мѣстности, выполнить поставленныя себѣ задачи и внутренно удовлетворенными, здоровыми, бодрыми и веселыми разъѣхаться по своимъ домамъ. Не слѣдуетъ ли отсюда, что такая дружина далеко не одна „забава“ для скучюащей молодежи, что она лучше, чѣмъ многіе прославленные педагогами методы, воспитываетъ сознательныхъ работниковъ, научая ихъ и жить и трудиться?

ГЛАВА IV.

О медицинской работѣ дружины.

Уѣзжая въ деревню, никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что придется приняться за медицинскую работу. Началось дѣло съ того, что мальчику лошадь разбила голову. Одна изъ дружинницъ была медичка и сестра милосердія: какъ же было не промыть и не перевязать!

Послѣ перваго случая нашелся второй, третій и, наконецъ, у насъ былъ уже цѣлый пріемъ по праздникамъ и въ будни по вечерамъ. Дѣло шло, какъ будто, успѣшно. Правда, наша помощь была очень несовершенна; но ближайшая больница, въ Костромѣ—за 12 верстъ отвратительной дороги. Медицинская помощь въ такой населенной мѣстности болѣе, чѣмъ недостаточная.

Удивляла слѣпая вѣра крестьянъ въ наши знанія вопреки всѣмъ увѣреніямъ, что мы не врачи и не собираемся ими стать (товарищъ-медичка скоро уѣхала). Эта вѣра часто лѣчила вмѣсто насъ. Бывали такіе случаи: приходитъ баба съ большимъ дупломъ въ зубѣ. Ясно, что боль утихнетъ только по удаленіи или пломбированіи зуба. Мы помочь не можемъ. Послѣ долгихъ разговоровъ на эту тему, баба все-таки остается при своемъ: „нѣтъ ли капелекъ какихъ?". Наконецъ, даешь ей валерьяновыхъ капель на вату въ

полной увѣренности, что это поможетъ на день, не больше. Но оказывается — вылѣчили! И на этомъ основаніи приходитъ вереница „бабъ съ зубами". Наше положеніе было очень непріятное — приходилось шарлотанствовать поневолѣ.

Спрашивается, поскольку цѣлесообразна была работа людей, не имѣющихъ медицинскаго образованія, среди большого округа, гдѣ необходима помощь врача, вѣрнѣе—даже больница. Хочется изложить причины, побудившія насъ продолжать несвойственное намъ дѣло. Наша непосредственная помощь сводилась къ перевязкѣ ранъ, накладыванію компрессовъ на нарывающія мѣста, разъясненію элементарныхъ правилъ гигіены. Для характеристики приведемъ нѣсколько примѣровъ. Мы замѣтили очень скоро, что въ деревнѣ какая то заразная дѣтская болѣзнь, ибо почти каждое воскресеніе на кладбище (напротивъ нашей школы) проходила процессія съ маленькимъ гробикомъ. На вопросъ, отчего умеръ, — отвѣчали: „да все та же болѣзнь. Въ горлышкѣ завалило, такъ дня не прожилъ",—или въ этомъ родѣ. Поставить діагнозъ, мы, конечно, не могли, но старались узнавать, въ какихъ домахъ были больные и старались принимать предосторожности.

Въ виду того, что у насъ цѣлый день былъ полонъ домъ ребятъ, рѣшили не пускать къ намъ жителей домовъ, гдѣ были больные. Однажды приходитъ женщина, про которую мы знаемъ, что ея ребенокъ боленъ, приходитъ съ какой-то просьбой; дружинница прежде всего вышла съ ней на улицу и стала объяснять ей, почему она это сдѣлала и совѣтовать держаться въ сторонѣ отъ дѣтей вообще. Баба удивилась, даже задосадовала.

Не вѣритъ. „Вѣдь у него, можетъ быть, скарлатина, поймите“,—говоритъ дружинница. Баба, уже совсѣмъ злая, высокомѣрно отвѣчаетъ: „и совсѣмъ не скарлатина, а, баютъ, дифтеритъ-чу“. Утѣшила! Другой случай: дружинница разговаривала съ бабой насчетъ прививки оспы и та разсказала самымъ простодушнымъ тономъ, что всегда своимъ дѣтямъ послѣ прививки оспы въ училищѣ моетъ руку, желая ихъ избавить отъ боли, связанной съ удачной прививкой. При такихъ понятіяхъ иногда трудно было уговорить отвезти заразнаго больного въ городъ, но это намъ всѣ-таки удавалось. Между прочимъ, первый случай оспы былъ такимъ образомъ подмѣченъ сразу, почему удалось во-время привить ее въ селѣ. За наше пребываніе къ намъ приносили послѣ перваго, еще двоихъ ребятъ съ оспой; потомъ заболѣваній уже не наблюдалось. Приходилось лѣчить нѣсколько случаевъ ангины. Иногда почти наугадъ помогали компрессами, горячими бутылками и др. простыми средствами. Считая, что все, что мы дѣлали, не могло принести вреда, если даже не принесетъ пользы, мы за все время своего пребыванія считали себя въ правѣ помогать, сколько умѣли. Но мы оказывались въ затруднительномъ положеніи, когда приводили къ намъ тяжело-больныхъ. Оставалось только направлять ихъ въ костромскую больницу. Первый разъ мы послѣ долгихъ уговоровъ, повезли туда женщину съ заболѣваніемъ сердца и дѣвочку съ язвами на тѣлѣ. Та картина ужасающаго безпорядка и почти-что нечеловѣческаго отношенія къ больнымъ, какую пришлось увидать намъ въ земской больницѣ, сразу же объяснила намъ причину рѣзкаго

предубѣжденія крестьянъ противъ лечебницы. Впечатлѣнія остались угнетающими до послѣдней степени! (Статья, въ которой описывались впечатлѣнія отъ Костромской земской больницы, была напечатана въ журналѣ „Костромской Кооператоръ“, авг. 1916 г.). И мы съ тѣхъ поръ ужъ не могли уговаривать крестьянъ ѣхать въ больницу. Однако, еще одинъ разъ пришлось тамъ побывать —отвезти старика, который самъ просилъ объ этомъ, не надѣясь одинъ добиться толку.

Всѣ впечатлѣнія отъ перваго посѣщенія подтвердились и въ этотъ разъ. Обида за нашу деревню, за нашъ долготерпѣливый народъ охватила душу; неужели же земство не можетъ упорядочить это важное общественное дѣло...

ГЛАВА V.

О чтеніяхъ.

Самымъ лучшимъ воспоминаніемъ нашей совмѣстной жизни въ дружинѣ, остались для насъ чтенія въ чайной кооперативнаго о-ва. Что то новое и безконечно-дорогое уносила я въ душѣ каждый разъ послѣ этихъ чтеній. Чтенія наладились не сразу и не сразу приняли то направленіе, по которому пошли въ концѣ. Всѣ мы были слишкомъ неопытными, слишкомъ растерялись передъ той большой задачей, которая встала передъ нами. Мы не знали ни что читать, ни какъ. А между тѣмъ, крестьяне просили сами устраивать чтенія. Наконецъ, мы остановились на Толстомъ, Короленко, Григоровичѣ, Гусевѣ-Оренбургскомъ. Но, къ сожалѣнію, прочитавъ въ первый разъ: „Антона Горемыку“ Григоровича, увидѣли, что выборъ очень неудачный, т. к. для чтенія вслухъ эта вещь совершенно не подходитъ. Было особенно досадно и обидно, что самое начало оказалось такимъ неудачнымъ. Тогда мы остановились на Толстомъ и въ слѣдующее же воскресенье явились въ чайную съ томомъ его сказокъ. Было прочитано: „Чѣмъ люди живы“, а на слѣдующія чтенія „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, „Много ли человѣку земли нужно“, „Два старика“. Многіе изъ крестьянъ уже читали Толстого,

но были и такіе, которые слушали въ первый разъ. Нельзя же было читать однѣ сказки, тѣмъ болѣе, что успѣхомъ онѣ пользовались, главнымъ образомъ, у стариковъ, а остальные ждали чего-нибудь болѣе серьезнаго. Даже выдвинулась цѣлая группа, демонстративно не посѣщавшая чтеній и просившая читать что-нибудь болѣе серьезное, „общественное", какъ они говорили. Послѣ чтеній, обыкновенно, поднимались пренія, разговоры о прочитанномъ, а то и на другія возникавшія тутъ же темы и эти разговоры послѣ чтеній были даже интереснѣй, чѣмъ сами чтенія. Въ этихъ спорахъ выяснялись взгляды и убѣжденія нашихъ слушателей, которые поражали насъ своей интеллигентностью. Они много читали, много знали. Здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно было узнать и понять другъ друга. Нѣсколько времени спустя, мы покончили съ беллетристикой и перешли къ чтенію по русской исторіи, а именно, къ эпохѣ Александра I. При кооперативной лавкѣ была довольно большая и интересная библіотека. Изъ нея мы брали болѣе или менѣе подходящія книги, составляли краткіе рефераты, но иногда читали по книгѣ. Чтенія наши были мало продуманы, поверхностны и неполны: слишкомъ мало отдавалось на него времени и, кромѣ того, мы сами не всегда могли отвѣчать на вопросы, возникавшія на нихъ. Слишкомъ мало мы знали нашу политическую и общественную жизнь, чтобы ясно и просто отвѣтить на многочисленные вопросы крестьянъ. Но такъ велика была жажда знанія и желаніе хоть немного усознать происходящее въ нашей русской жизни, что они и нашъ неумѣлый разсказъ слушали

съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ, особенно по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ болѣе современнымъ событіямъ. Чтенія прерывались иногда восклицаніями; послѣ чтеній поднимались горячіе споры, принимавшіе часто рѣзкій характеръ. Задавались и вопросы о прочитанномъ. Помню, разъ пришлось выяснить недоразумѣніе по поводу смерти Александра 2-го. Многіе думали, что Александра 2-го убили какіе то темные люди, за то, что онъ освободилъ крестьянъ. Мы, какъ умѣли, постарались освѣтить это болѣе правильно съ исторической точки зрѣнія. Много хорошихъ людей было на чтеніяхъ, умныхъ, даже интеллигентныхъ, но не получившихъ образованія, учившихся „единственно въ школѣ-кабакѣ", какъ говорилъ одинъ изъ нашихъ знакомыхъ крестьянъ. Такъ ясно, такъ живо встаетъ въ памяти картина: сидишь въ душной, тѣсной комнатѣ чайной, въ сторонкѣ и вглядываешься пристально во внимательныя лица, стараешься отгадать ихъ впечатлѣнія, ихъ отношеніе. Нигдѣ и никогда не приходилось мнѣ встрѣчать людей, слушающихъ такъ, какъ слушали насъ мужики. Всѣмъ существомъ, казалось, вникали они въ то, что слушали, реагируя на каждый яркій фактъ, на каждую вѣскую мысль. И ихъ глубокое, внимательное отношеніе къ намъ, къ нашему чтенію, возбуждало въ насъ бодрость и энергію и хорошее, сильное чувство близости къ этимъ людямъ. И это же чувство заставляло крѣпко и радостно жать грубыя закорузлыя руки, унося все болѣе осознаваемую и укрѣпляющуюся любовь въ то, ради чего мы пріѣхали сюда, о чемъ еще неувѣренно мечтали такъ недавно. Пробуждаются темныя народныя массы

отъ тяжелаго вѣкового сна и жадно впитываютъ въ себя все то, что можетъ дать пищу имъ, еще не просвѣтленному сознанію и смутно, но упорно ищутъ путей къ свѣту. И теперь, именно теперь, нужны культурные, просвѣщенные работники, чтобы вмѣстѣ съ ними найти эти пути и сознательно и разумно войти въ общую жизнь и работу.

Чтенія дѣтямъ.

На-ряду съ чтеніями крестьянамъ, въ началѣ, происходили еще два параллельныхъ чтенія: дѣтямъ и дѣвушкамъ-подросткамъ. Но эти чтенія просуществовали не долго, въ особенности послѣднія. Послѣ первой же попытки, мы читали Гоголя, — „Ночь передъ Рождествомъ"; выяснилось, что дѣвушекъ, которыхъ собралось довольно много, и которыя сами просили почитать имъ, меньше всего интересуетъ чтеніе, какъ таковое. Было ясно, что онѣ собрались сюда ради новизны обстановки, ради веселья, ради чего угодно, только не для того, чтобы слушать. Онѣ переглядывались, хихикали, разсматривали наше бѣлье, развѣшанное для просушки, однимъ словомъ, занимались всѣмъ, что только не относилось къ чтенію. Я увѣрена, что единственное, что могло ихъ заставить слушать и произвело бы какое-нибудь впечатлѣніе, это самый непосредственный романъ, съ непрерывающейся никакими отступленіями фабулой. Такъ наша первая, попытка читать дѣвушкамъ оказалась неудачной. Что касается дѣтскихъ чтеній, то они шли нѣ-

сколько лучше, ребята очень охотно собирались слушать сказки и постоянно просили насъ почитать. Причемъ, особенно живо относились къ этимъ чтеніямъ мальчики. Они ужъ если слушали, то отдавали все свое вниманіе и не прерывали до конца. Но случалось, что они были не въ настроеніи, или имъ было просто скучно, тогда они начинали шалить и ужъ никакими силами нельзя было остановить ихъ. Но и эти чтенія просуществсвали не долго, только первую половину лѣта. Потомъ какъ-то нехватило времени, не было подходящихъ книгъ, и они сами собой прекратились.

Отношеніе крестьянъ къ дружинѣ. Отъѣздъ.

Какъ и можно было ожидать, первое время пребыванія дружины въ деревнѣ, наиболѣе ярко опредѣляло отношенія къ намъ со стороны крестьянъ сильное любопытство и стремленіе понять, скорѣе даже узнать, истинную причину страннаго появленія столичныхъ „барышень". Все казалось крестьянамъ любопытнымъ и интереснымъ. По вечерамъ, послѣ работы, къ намъ заглядывала то одна, то другая баба или дѣвушка, а то и сразу цѣлой гурьбой, являлись и толпились у двери нашего класса. Если спросишь, зачѣмъ пришли, отвѣчаютъ: „да такъ, поглядѣть на васъ". Мы цѣлую недѣлю, послѣ нашего пріѣзда не могли выйти на улицу безъ свиты, доходившей иногда до 20—30 человѣкъ ребятъ, въ особенности дѣ-

вочекъ. Они скоро къ намъ привыкли, подружились съ нами, не стараясь понять, кто мы такія и зачѣмъ пріѣхали, ихъ просто привлекала новизна нашего появленія, и загорѣлыя рожицы цѣлый день мелькали въ дверяхъ и окнахъ земской школы.

Часто, въ сопровожденіи такой рожицы, являлась рука съ туго-затянутымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, который предназначался то одной, то другой дружинницѣ. Но такъ могли поступать дѣти. Взрослымъ же надо было понять, какъ это люди пріѣхали „отъ хорошей жизни, да на крестьянскую работу". Ни одна баба не пропустила насъ безъ разспросовъ: охали, ахали, но просто повѣрить, что пріѣхали люди имъ помогать и за это ничего не будутъ брать,—онѣ не могли. Это шло въ разрѣзъ со всѣми ихъ понятіями въ жизни. Онѣ привыкли къ тому, что всякій думаетъ о своей шкурѣ. Для объясненія факта нашего пріѣзда придумывались самыя нелѣпѣйшія легенды. Первое, что про насъ сказали, это — что мы австрійскія плѣнныя и что насъ работать заставляютъ. Потомъ рѣшили, что мы Божьи люди и работаемъ для спасенія души. Говорили, что мы просто отъ земства, пытать пріѣхали, но особенно долго держался слухъ, что среди насъ есть царская дочь и пріѣхали мы посмотрѣть, какъ живетъ крестьянство; поводомъ къ этому слуху явилось то, что одну изъ насъ звали Ольгой Николаевной. Пронесся также слухъ, очевидно основанный на смѣшеніи фамиліи, будто есть среди насъ дочь министра Штюрмера.

Благодаря этимъ легендамъ, къ намъ относились не всегда искренно. Иногда лицемѣрно хоро-

шее отношеніе было и у лицъ, которыя не вѣрили въ „высокое происхожденіе“ дружинницъ, а просто разсчитывали, что мы можемъ въ столицѣ „замолвить слово въ смыслѣ, хотя бы, доставленія сахара или муки. Мы вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ существованіи такого отношенія къ намъ.

На почвѣ легендъ бывали курьезные случаи. Однажды уже передъ самымъ отъѣздомъ, дружинница, изображавшая собой врача поневолѣ, было дежурная по хозяйству. Босикомъ, съ подоткнутой юбкой, въ передникѣ изъ мѣшка, въ запачканной сажей косынкѣ и кофтѣ съ кочергой въ рукахъ, стояла она передъ печкой когда открылась медленно дверь и вошелъ крестьянинъ за нимъ жена и дочка. Всѣ помолились на образъ, затѣмъ поклонились озадаченной хозяйкѣ въ поясъ. Мужикъ срывающимся голосомъ сталъ расказывать, что доктора отказали лѣчить его дочь, а ей все хуже и хуже. Рѣчь свою онъ закончилъ поясным поклономъ и словами: “полѣчите, Ваше Императорское Высочество“. Хозяйка остолбенѣла, разсмѣялась, указывая на свой рабочій костюмъ: „Богъ съ вами, откуда у васъ такой вздоръ“. „Да нѣтъ ужъ, мы сразу видимъ, по обращенію видимъ, уже не оставьте, Ваше Высочество“. Такъ и не удалось разубѣдить упрямаго крестьянина. Сперва было смѣшно, а потомъ стало досадно и печально. Утѣшали себя тѣмъ, что мужикъ былъ не изъ нашего села. У насъ такихъ случаевъ не было.

Общая масса крестьянъ къ намъ относилась съ искренней симпатіей и любовью, а главное вполнѣ просто. Мѣстная дьяконнница по материн-

ски жалѣла насъ за то, что никто не заботился, что у насъ не уютно и часто не достаетъ необходимаго. Когда кто-либо изъ насъ по нездоровью оставался дома, она приходила навѣстить, приносила горячаго чаю.

И не она одна жалѣла насъ изъ-за тяжести непривычной работы.

Мы жили въ селѣ какъ члены его. Всякій долженъ былъ знать, кто мы и что мы дѣлаемъ. Бывали очень рады когда мы приходили пить чай по воскресеньямъ, но это рѣдко удавалось намъ, хотя мы охотно шли, когда насъ звали. Иногда велись очень интересные разговоры, иногда удавалось заглянуть въ мою жизнь дома, повидать старину.

У одного старообрядца мы увидѣли старинныя иконы прекраснаго письма, въ одной деревнѣ нашли старинный шелковый сарафанъ съ золотымъ шитьемъ, кое-гдѣ любовались шитыми и бранными ручниками. Теперь намъ жаль, что никто изъ насъ не занялся, если не коллекціонированіемъ, то по крайней мѣрѣ, описаніемъ этой старины. Но больше всего давали намъ крестьяне, какъ люди, особенно своимъ отношеніемъ къ намъ. Не останавливаясь на многихъ мелкихъ разговорахъ, всегда привѣтливыхъ и доброжелательныхъ, хочется описать прощанье съ нашей аудиторіей въ чайной. Въ день послѣдняго чтенія, мужики съ утра толпились въ чайной, насъ туда не пускали. Во время чтенія были противъ обыкновенія разсѣянны и шептались другъ съ другомъ. По окончаніи благодарили за чтеніе, жалѣли, что не удалось прожить вмѣстѣ подольше; затѣмъ съ самымъ невиннымъ видомъ попросили

выпить съ ними чаю. Мы пошли-было какъ всегда въ библіотеку, но насъ захотѣли усадить въ самой чайной. Тутъ ужъ мы поняли, что товарищи что-то задумали. Когда всѣ размѣстились, причемъ насъ усадили всѣхъ врядъ вдоль стѣны, а передъ нашимъ столомъ оставалось пустое мѣсто, поднялся крестьянинъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ прочелъ наши имена и отчества, а послѣ нихъ слѣдующее:

„Позвольте со днемъ Вашего отъѣзда, благодарить Васъ, какъ трудовыхъ работницъ на крестьянской трудовой нивѣ, а также и за вашу культурно - просвѣтительную дѣятельность и за Ваше чтеніе, которымъ Вы внесли въ нашу среду лучъ надежды на будущее.

Въ два года великой Европейской войны, когда изъ деревни взяты всѣ молодыя силы, вы откликнулись помочь бѣднымъ солдаткамъ, за что Васъ населеніе и Совѣтъ Саметьскаго с.-х. о-ва чувствительно благодаритъ.

Предсѣдатель

Члены Совѣта.

Мы сидѣли растроганныя и пораженныя. Радостно стало на душѣ. Неужели наши ничтожныя знанія могли имъ столько дать. Конечно нѣтъ. Значитъ мы дали своимъ желаніемъ дать, дали имъ той радостью и любовью, съ которой брались за чтеніе и хотѣлось сказать имъ въ отвѣтъ, что мы куда больше получили, чѣмъ сумѣли дать. Но отъ внутренняго ликованія говорить было трудно. Одна изъ насъ сказала нѣсколько словъ, а потомъ сразу пошелъ общій говоръ. Мы попросили сѣсть

къ нашему столу, что было охотно исполнено. Вдругъ одинъ изъ товарищей всполошился, не оказалось „десерту“, т. е. конфектъ. Ихъ сейчасъ же принесли изъ лабаза и вручили намъ каждой по кульку. По окончаніи чаепитія мы пошли домой. А за нами по улицѣ двинулось шествіе мальчишекъ съ громкой пѣсней:

„Ура, ура, ура...
„Идемъ мы на врага“ и т. д.

Это была не совсѣмъ подходящая пѣсня, но они другой не знали и своей пѣсней были очень довольны. Въ видѣ брагодарности за честь мы имъ прочли дома сказку. Вечеромъ пришли къ намъ товарищи-кооператоры, съ которыми мы лучше всего познакомились, мы бесѣдовали съ ними далеко за полночь.

Когда они ушли, мы всѣ поглядѣли другъ на друга, у всѣхъ были одинаково радостныя, спокойныя лица. Мы только-что пережили одинъ изъ лучшихъ дней нашей жизни, это было всѣмъ ясно. Черезъ нѣсколько дней мы уѣхали.

День передъ отъѣздомъ мы не работали, несмотря на хорошую погоду. Надо было привести въ порядокъ помѣщеніе школы, уложиться, наконецъ попрощаться съ нѣкоторыми, наиболѣе близко знакомыми семьями. Теплое и ласковое было прощаніе.

И только тогда почувствовали мы, какъ сжились съ ними, какъ жалко и больно навсегда прощаться съ С.

Въ день отъѣзда въ 4 ч. утра мы были уже

на ногахъ, упаковывая послѣднія вещи. Наконецъ все упаковано, лошади съ вещами уже уѣхали. Одна за другой проѣзжаютъ мимо телѣги на сѣнокосъ, и проѣзжающіе киваютъ намъ на прощаніе. Такъ бы и усѣлась на телѣгу и поѣхала въ поле работать, снова весело и бодро ворошила бы душистое сѣно, съ тревогой глядя на приближающую тучу, а потомъ усталая, растянулась бы на этомъ же сѣнѣ. Телѣги все ѣдутъ и ѣдутъ...

А мы стоимъ уже совсѣмъ готовыя на крыльцѣ съ нѣсколькими провожающими бабами. Прощайте. Мы уже не ваши работницы, мы уже оторваны отъ васъ, уходимъ изъ вашей трудовой жизни. Прощайте! Крѣпко жмемъ руки провожающимъ, оглядываемъ въ послѣдній разъ хорошія, славныя лица. Точно что-то родное покидаешь. Въ путь. Выходимъ изъ села, часто оглядываясь, точно стараясь закрѣпить на долго въ памяти любимую нашу Саметьскую колокольню и село.

Быстрыми шагами идемъ по низкому, сыроватому, уже скошенному лугу. Вотъ уже позади заводъ, и село сливается въ общую массу. Встрѣчаемъ одну изъ нашихъ хозяекъ. Она только-что начала бить копны.

Брошены въ сторону пальто и узелки. Послѣдній разъ за работу...

Быстро разбиты двѣ большія копны.

„Довольно, пора идти“, давно ужъ зовутъ благоразумныя. Растрепанныя, задыхающія и покраснѣвшія прощаемся съ хозяйкой и взваливъ на плечи, двигаемся впередъ.

С. все дальше и дальше. Мы идемъ по берегу Волги и поемъ. И вмѣстѣ съ болью и печалью объ отошедшемъ, въ душу вливается какая-то широкая, вольная и бодрая волна радости.

„Далеко, далеко—степь за Волгу ушла,
Въ той степи широкой буйна воля жила.
Я люблю этотъ край, край за Волгой рѣкой,
Буйной вольницы рай и притонъ вѣковой“.

